

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Соавторы / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-88709-5

Какая связь между тремя преуспевающими соавторами популярных романов и молодой женщиной, убитой в собственной квартире? На первый взгляд никакой, они даже не были знакомы. Но Анастасия Каменская знает, что людские судьбы порой сплетаются самым причудливым образом. И главная работа Насти — выявить эти связи, сделать тайное явным, невидимое — зримым. А это она умеет. И лишь после этой работы становится понятно, почему одного из соавторов ударили ножом, почему убили молодую женщину... А если понятно это, то нетрудно вычислить и преступников. Действительно, это уже несложно, это умеют многие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88709-5

© Алексеева М.А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Им не было нужды скрывать свои встречи, все трое были давно знакомы, более того, их связывали в прошлом не только служба и общие дела, но и общие неприятности, а в настоящем — взаимная поддержка в непростом деле преодоления последствий тех самых неприятностей. Так что беседа нынешняя происходила не в конспиративной обстановке на какой-нибудь хитрой нейтральной территории, а на самой обычной даче одного из собеседников, в самое обычное для пребывания за городом время — в субботу, около пяти вечера, на свежем воздухе, возле дымящего мангала, установленного метрах в десяти от крыльца.

— Надеюсь, вы не забыли того журналиста, молитвами которого мы поимели столько проблем на наши головы? — как бы между прочим спросил хозяин дачи, вальяжного вида полный мужчина с массивной головой, гладкими щеками и блестящими выпуклыми глазами, похожий скорее на преуспевающего ученого мужа, нежели на бывшего начальника, под которым некоторое время назад с треском развалилось руководящее кресло.

— Забудешь его, как же, — сквозь зубы отозвался худощавый, очень высокий мужчина, ловко переворачивая над углями тонкие шампуры с нанизанными на них маленькими кусочками баранины.

Третьей в этой вполне заурядной компании была женщина лет пятидесяти с улыбчивым, но отчего-то ка-

завшимся злым лицом, стройная и очень холеная. Она выглядела бы лет как минимум на восемь моложе, если бы не обильная незакрашенная седина в волосах. Она стояла, засунув руки в карманы легкой дорогой куртки, слегка покачиваясь с пяток на носки и разглядывая верхушки сосен, во множестве растущих на дачном участке. Казалось, она даже и не слышала произнесенных вполголоса реплик, однако это было не так.

— Но ведь он же... того... — равнодушно заметила она, не отрывая взгляда от едва колышущихся темно-зеленых мохнатых веток.

— Вот именно, — веско подтвердил Вальяжный. — Журналист-то того, а материалы его где?

— Опубликованы, — по-прежнему равнодушно произнесла Женщина.

— Только при его жизни, — возразил Вальяжный. — После его гибели ничего больше не публиковалось. И шума никакого не было. Какой из этого вывод?

— Значит, он больше ничего ни на кого не накопал, — подал голос Худощавый. — Что накопал — то напечатали. А потом все. К чему этот разговор-то? Нам ведь без разницы, что он там на кого еще нарыл, главное, что нас с вами он успел обгадить. Своя рубашка, как известно, к телу поближе, а чужие караваи мне лично без надобности. Если кто-то еще погорит после его смерти, так и пусть.

— Не стратег ты, друг мой, не стратег и даже не тактик, — покачал головой Вальяжный. — А если я вам скажу, что после гибели этого щелкопера осталась целая куча материалов, которые он не успел обработать и тиснуть в своей газетенке?

— Да и пусть. — Худощавый сделал неосторожное движение, обжег пальцы о раскаленную часть шампура и болезненно сморщил красивое тонкое лицо. — Нам-то что с того?

— Откуда известно про материалы? — В голосе Женщины послышался проснувшийся интерес. Она, в отличие от мужа, была и тактиком, и стратегом и невыс-

казанную мысль Вальяжного уловила почти сразу. — И насколько эта информация достоверна?

— Суди сама.

Жестом фокусника Вальяжный достал из глубокого кармана просторного кожаного жилета, накинутого поверх светлой рубашки с короткими рукавами, книжку карманного формата в мягком переплете и показал Женщине обложку.

— Тебе это ни о чем не говорит?

— Абсолютно, — она пожала плечами. — Я такое не читаю.

— Я тоже не читаю, — усмехнулся Вальяжный. — А вот моя жена очень даже читает. И знаешь, что она мне сказала пару дней назад? Что в этой книжонке описан наш с вами общий знакомый из соседней области. Она его прекрасно помнит и узнала безошибочно. Имя, конечно, другое, а вот должность, описание внешности, привычки, манера говорить и даже некоторые его преступления — все совпадает в точности. Я не поверил, она мне закладочку сделала, чтобы я на ночь сам прочел.

— Ну? — поднял на Вальяжного встревоженные глаза Худощавый. — И что там?

— А то там! Я как дурак всю ночь книжку читал, куски информации сопоставлял, карандашом на полях пометки делал, с утра водителя послал в магазин, велел все книжки этой серии скупить и еще два дня, пока вы там жизнью наслаждались, просидел не разгибаясь, тексты смотрел. Осталась после этого сукина сына информация! Осталась! Только где она? Если бы ее нашли во время обыска у него дома или в редакции, мы бы уже знали об этом, шуму было бы выше крыши. А так — тишина. По версии мести за публикации нас с вами дернули по разику, и все заглохло. Следующим шагом должна была стать отработка версии предупреждения готовящихся публикаций, то есть начали бы месить всех тех, на кого он собрал материал, но еще не сдал в печать. И если бы следствие эту версию обрабатывало,

то дело бы расследовалось до сих пор, потому что фигурантов — море. А следствие закрыто. Приостановлено. Я узнавал, это точно. И что самое любопытное, приостановлено уже давно, почти год назад.

— Почему приостановлено? — прищурилась Женщина. — Они что, не верят, что это был несчастный случай? Почему дело не прекращено за отсутствием состава?

— Видать, не верят. В несчастные случаи с журналистами никто почему-то верить не хочет, — снова недобро усмехнулся Вальжный. — Несчастный случай может произойти с кем угодно — с дворником дядей Ваней, с олимпийским чемпионом, даже с разведчиком. Только не с журналистом. Если журналист умирает не своей смертью от продолжительной болезни, то непременно оттого, что боролся за правду, а его злые негодяи вроде нас с вами пытались остановить. Стереотип мышления, который сами же журналисты и насаждают. Дескать, такие они особенные, что, в отличие от нас всех, умирают исключительно на боевом посту. Ладно, это все пустое, друзья мои. Важно одно: версия о несчастном случае не прошла, а никаких других версий у следствия нет, все, что смогли придумать, проверили, больше проверять пока нечего, поэтому дело приостановлено. А раз они так быстро покончили с делом, всего за шесть месяцев, значит, собранные журналистом материалы пропали. Нет их у следствия. А у этих писак художественных — есть. И хотелось бы их получить.

— Зачем? — удивился Худощавый. — Для чего тебе?

— Не тебе, а нам. Всем нам, — спокойно осадила мужа Женщина. — Идея отличная, надо четко продумать план ее реализации. Скоро там у тебя? Не стогрит мясо?

— Еще пару минут. Можно накрывать на стол, — общил слегка обиженным тоном Худощавый, опытным взглядом окидывая шампур с бараниной.

— Вот и славно, — кивнула она. — Поедим молча, подумаем, а потом обсудим, что делать дальше.

Она снова закинула голову, устремляя глаза к успокаива-

вающей темной зелени хвои, но успела перехватить брошенный на нее одобрительно-восхищенный взгляд Вальяжного. Этот взгляд она «прочла» совершенно безошибочно и привычно подавила удовлетворенную улыбку.

«Вот на ком мне надо было бы жениться. Ну да теперь уж поздно, у друзей отбивать жен негоже. Эх, не были бы мы с ним связаны давними отношениями, я бы...» — подумал Вальяжный.

Как многие мужчины в подобные моменты, он подумал в первую очередь о невозможности предательства мужской дружбы. Мысль о предательстве своих отношений с женой ему даже в голову не пришла.

* * *

— ...Таким образом, можно полагать, что статистическая модель личности преступников, совершающих кражи, не является достоверной. Это и приводит к тому, что мероприятия по предупреждению указанных преступлений, а также по их раскрытию оказываются малоэффективными. Проще говоря, наши знания неполны и мы на самом деле не знаем, кого ловить.

Настя перевела дыхание и уставилась глазами в царапинку на краю полированного стола. На этой стороне стола она была одна. Совсем одна, со всеми своими на первый взгляд спорными, но выстраданными многолетней работой в уголовном розыске взглядами. Напротив нее восседала комиссия по приему кандидатского экзамена по уголовному праву и криминологии. Вопрос по праву она оттарабанила без сучка и задоринки, в нем не было спорных моментов, все теоретические дискуссии закончились давным-давно, еще в шестидесятых годах, когда принималась новая концепция уголовного права. А вот с вопросом по криминологии дело обстояло не так гладко. Можно было бы, конечно, пересказать все то, что написано в учебниках и монографиях, но у Насти Каменской была своя точка зрения на все те выводы, которые основывались на анализе статисти-

ки. И если в учебнике, к примеру, утверждалось, что среди лиц, совершающих преступления, рецидивисты составляют двадцать пять процентов, она не могла, ну просто не могла заставить себя тупо повторить эту цифру, потому что цифра казалась ей более чем сомнительной. Сомнения эти распространялись не только на показатели рецидива, но и на многое другое, да что там на многое — практически на все. Единственным пригодным для анализа показателем в статистике Настя считала количество выявленных преступников, эту цифру нельзя было трактовать двояко, уж сколько поймали — столько и поймали, ни прибавить, ни убавить. Все остальные показатели имели отношение только к этим самым пойманным преступникам и вполне корректно их описывали. Ну и что? А что мы знаем о тех, кого не поймали? Может, среди них вообще все сплошь рецидивисты. Или наоборот... И вполне вероятно, что все они женщины, хотя официальная статистика уверяет, что женщин среди преступников всего-то процентов пятнадцать. И несовершеннолетних примерно столько же. За полтора десятка лет работы на Петровке Настя убедилась, что раскрытое преступление — совсем не то же самое, что преступление нераскрытое. Если преступление не смогли раскрыть, значит, оно чем-то отличается от того, которое раскрыть все-таки сумели. А поскольку любое действие, любой поступок несет на себе отпечаток личности, то логично предполагать, что все различия коренятся именно в личности преступника. Исполнитель преступления принципиально другой, поэтому и само преступление не раскрывается.

Она пыталась в лаконичной форме донести свою мысль до членов комиссии, но, по-видимому, не преуспела, поскольку на лицах докторов и кандидатов наук (числом шесть) читалось недоумение в равных пропорциях со скепсисом и благородным негодованием.

— Правильно ли я вас понял, Анастасия... м-м-м... — председатель комиссии полистал документы, — Павловна, что вы подвергаете сомнению все то, что написано

за последние тридцать лет в учебниках криминологии? Не слишком ли смело?

Ну конечно, ничего иного она и не ждала. Сейчас ее попрут отсюда рваными грязными тряпками и с грохотом захлопнут перед ней дверь в науку. Довыпендривалась. Но, с другой стороны, ей обязательно нужно было озвучить свои соображения, потому что именно они должны будут лечь в основу ее диссертации, если, конечно, до диссертации дело дойдет. А ежели она не даст специальность, то может и не дойти.

— Я не подвергаю сомнению все, я говорю только о том, что основывается на анализе данных о раскрытых преступлениях и выявленных преступниках, — угрюмо ответила Настя, не отрывая глаз от царапинки на столешнице. — Если бы раскрываемость преступлений приближалась к ста процентам, у меня сомнений не было бы. И то только в том случае, если бы не существовало латентных преступлений. А они есть, и исследования показывают, что граждане не заявляют в милицию примерно о каждом третьем преступлении. Из каждого ста совершенных краж милиции становится известно только о семидесяти. Раскрываемость краж — не выше пятидесяти процентов, то есть раскрыли мы только тридцать пять эпизодов из ста реально совершенных. Это в самом лучшем случае. И имеем данные о ворах, совершивших только эти тридцать пять краж. А остальные шестьдесят пять? Что мы о них знаем? Ничего. Какие у нас основания полагать, что шестьдесят пять непойманных воров — точно такие же, как те тридцать пять, которых мы поймали? Никаких.

— Но тридцать пять из ста — вполне представительная выборка, — подал голос сидевший с краю молодой доктор наук, как раз тот самый, в работах которого Настя и вычитала данные о латентных преступлениях. — По тридцати пяти процентам мы имеем право судить о характеристиках всего массива. Вы, вероятно, не знакомы с основами социологии и статистического анализа.

Настя поняла, что дело совсем плохо, ей явно соби-

раются ставить «неуд» и уличают в отсутствии элементарных знаний. Ну и ладно, сейчас она будет биться до последнего, а если уж не сдаст экзамен — что ж, не конец света, будет сдавать на следующий год. Напишет новый рапорт с просьбой прикрепить ее соискателем для сдачи экзамена и предпримет новую попытку. Жаль, конечно, ведь два других экзамена — по иностранному языку и философии — она уже сдала на «отлично».

— Выборка в тридцать пять процентов может устроить тех, кого устраивает большая погрешность. Если при исчислении среднестатистических показателей возраста преступника меня устроит погрешность в десять лет, то можно опираться и на тридцать пять процентов. Если же я хочу, чтобы погрешность была меньше одного года, то выборка должна составлять от пятидесяти до шестидесяти процентов всего массива. Примерно, — на всякий случай добавила она. — Но это не главное. Главное в том, что выборка должна быть случайной, только в этом случае она может считаться репрезентативной. А я считаю, что эти злополучные тридцать пять процентов, если мы говорим о кражах, не являются случайной выборкой. Эти тридцать пять процентов — закономерность, понимаете? Мы ловим только тех, кого можем поймать. Только тех, на кого у нас хватает знаний и интеллекта. А оставшиеся шестьдесят пять процентов воров — они совсем другие. Конечно, по другим видам преступлений и цифры совсем иные, там иная латентность и иная раскрываемость, но общая идея остается. По статистическим данным мы можем судить только о выявленных преступниках и не имеем права распространять полученные выводы на весь массив.

В кабинете начальника кафедры уголовного права, где заседала комиссия, повисла пауза, правда, недолгая, но и недобрая.

— Можете быть свободны, — сухо произнес профессор-председатель. — Подождите в коридоре. Вы, кажется, последняя? Больше никого нет?

— Нет. Спасибо, — пробормотала Настя и выскользнула за дверь.

Их было четверо — один следователь, два работника центрального аппарата министерства и она, Настя Каменская, — четверо соискателей, которые сдавали сегодня кандидатский экзамен по уголовному праву и криминологии. Трое «отстрелявшихся» раньше дружно вскинули на нее глаза: дескать, ну как, порядок? Она молча покачала головой.

— Что, совсем хреново? — сочувственно спросил молодой парень в кителе с петлицами следователя. — Ни на один вопрос не ответила?

— Ответила, — вздохнула Настя. — Но им мои ответы не понравились.

— Да брось ты, — ободряюще заговорил один из министерских аппаратчиков, — знаешь, как говорится, нравится — не нравится, спи, моя красавица. Главное, что ты отвечала. А если они не согласны, так это их проблемы, ты имеешь право на собственную позицию. Помнишь, как в одном кино говорили: ляпай уверенно, тогда это называется точкой зрения. Ты говорила-то уверенно или мямлила?

— Не знаю... Кажется, мямлила. Себя же не слышишь со стороны.

— Если мямлила, тогда плохо, — вступил второй аппаратчик. — По собственному опыту знаю: если докладываешь уверенным тоном, то начальству любую туфту можно втереть. А если интеллигентничаешь, то самая правильная идея не проходит. Ну-ка я послушаю, чего они там обсуждают.

Он легко отстранил Настю, отодвинув ее к противоположной стене коридора, и прильнул ухом к двери. Через несколько секунд он, не поворачивая головы, махнул рукой в сторону своего коллеги из министерства и растопырил четыре пальца.

— Мне «хорошо» поставили, — радостно улыбнулся тот. — Пронесло. В праве я еще так-сяк, ориентируюсь, а в криминологии ни бум-бум.

Следующим жестом, выразившимся в хлопанье себя по груди и растопыривании тех же четырех пальцев, любитель подслушивать возвестил о своей оценке. Через несколько минут соискатели узнали, что молодой следователь получил «отлично». А дальше дело застопорилось... Аппаратчик хмурил брови, потирал затекшую в неудобном положении шею, шевелил губами, но руку с растопыренными пальцами все не поднимал. Наконец он отлип от заветной двери и подошел поближе к остальным.

— Чего ты им наговорила? — с любопытством разглядывая Настю, спросил он. — Какую крамолу?

— Почему крамолу? — растерялась она.

— А они там базарят насчет того, что тебя нельзя в аудиторию выпускать и что, дескать, если ты защитишься и пойдешь преподавать, то будет полная катастрофа. И еще насчет отца что-то. Что, мол, только из уважения к нему, и все такое. Ты что, дочка чья-то?

— Нет, — резко произнесла Настя, закусывая губу, — я сама по себе. Они меня с кем-то путают. Про оценку что-нибудь говорили?

— Мечутся между «удовлетворительно» и «неудом». Тот очкастый, с тонким голосом, очень хочет тебя завалить, сильно ты ему не понравилась со своей крамолкой, а председатель его папашей пугает. Остальных я по голосам не различаю. Но кто-то из них брякнул, что со статистическим анализом ты их все-таки умыла и за одно это тебе можно поставить «хорошо», еще он что-то про математику говорил, вроде как ты ее почему-то знаешь и это само по себе неплохо, а они на него сразу зашикали. Мол, не уважаешь труды основоположников и считаешь себя самой умной.

Значит, двойка. Или тройка, что одинаково противно, потому что оба предмета — и право, и криминологию — Настя знала хорошо. И еще противнее, что папу приплели. Ей сорок три года, она уже лет двадцать как перестала быть «дочкой Леонида Петровича», став сначала просто Настей Каменской из учетной группы, по-

том Каменской из отдела «того самого Гордеева», а к сорока годам превратившись в «ту самую Каменскую». У нее есть репутация, заработанная собственным горбом, собственными мозгами и собственным здоровьем. Она уже давно носит звание подполковника милиции, ее имя стоит в десятках приказов на премирование за раскрытие особо тяжких преступлений. И вот вам пожалуйста, ей готовы поставить «удовлетворительно» на экзамене только из уважения к папе, который на самом деле приходится ей не родным отцом, а отчимом. Нет уж, спасибо вам большое, господа профессора, ставьте лучше двойку, только папу не вспоминайте.

Она отвернулась к окну и тупо смотрела на капли дождя, стекающие по стеклу. Текут себе, текут и горя не знают...

* * *

Как замороженный, он смотрел на стекающие по стеклу дождевые капли. Вот оно, материальное олицетворение неожиданной идеи, пришедшей ему в голову. Конечно, это была не полностью его идея, он сам такого никогда не придумал бы, он вычитал ее в некоторых книгах, случайно попавших к нему в руки. Ведь что такое дождевая капля на стекле? Существует круговорот воды в природе, это он еще в школе проходил на уроках природоведения, или как там этот предмет назывался? Есть на планете некая масса воды, часть ее испаряется, конденсируется, выпадает в виде осадков, потом снова испаряется... В общем, никуда не девается и окончательно не пропадает. Но когда эта вода проходит период своего существования в виде осадков, то вариантов может быть множество. Снежинка может упасть в сугроб и слиться с общей массой, полежать на холоде до весны в виде снега, потом растаять, испариться и подняться вверх. А может упасть на чью-то ладонь, дать кому-то в течение нескольких секунд насладиться своей красотой, изяществом и неповторимостью и превратиться в капельку холодной водички. Капельку сотрут